

Горбачев и перестройка: Парадоксы ретроспективного взгляда

Родрик Брейтвейт

Писать историю и вершить ее — далеко не одно и то же. У человека, пишущего историю, есть бесценное преимущество ретроспективного взгляда на нее. Становится понятно, как и почему государственные деятели совершали ошибки. Отсюда, казалось бы, легко заключить, будто государственные деятели были слепы, глупы, а то и просто негодяи, когда они предприняли действия, которые привели к катастрофе.

Но здесь историков подводит недостаток воображения. Даже самым мудрым государственным деятелям, даже тем из них, кто наделен самым тонким политическим чутьем, приходится действовать как в потемках. Они могут предполагать, но не могут наверняка знать, что будет завтра, не говоря уже о том, что будет через год или через десять лет. Им приходится ощупью продвигаться вперед.

В отношении политиков и военачальников справедливо то, что справедливо в отношении всех нас в нашей повседневной жизни. Самое важное решение, которое большинству из нас доводится принимать, это решение вступить в брак. Это тоже прыжок в неведомое, и здесь тоже не всегда все хорошо кончается.

Поэтому нам следует проявлять скромность и осторожность, когда мы судим о тех, кто был причастен к великим событиям. Легко говорить,

Сэр Родрик Брейтвейт — посол Великобритании в Советском Союзе и России с 1988 по 1992 год. Позднее советник премьер-министра Великобритании Джона Мейджора. Автор книги воспоминаний о своей деятельности посла в Москве «Across the River».

что Горбачеву, Рейгану или Тэтчер, нужно было поступить не так, а иначе. Разве, считают они, Горбачев не знал, что запускает процесс, который приведет Советский Союз к гибели? Разве он не знал, что Советский Союз распадется на части под натиском националистических сил в союзных республиках?

Что ж, давайте, во-первых, вспомним, что Горбачев не был единственным, кто не сумел предвидеть такой ход событий. До самого последнего момента этого не видели лучшие аналитики из ЦРУ, британской разведки, КГБ, ученые. И даже среди тех, кто давно думал, что Советский Союз не может существовать бесконечно, почти никто не смог точно предвидеть, когда именно он окончит свое существование.

Бытует мнение, что развал Советского Союза был следствием победы Америки в холодной войне. Это грубое упрощение. Я считаю, что Советский Союз распался по внутренним причинам, потому что система стала нежизнеспособной. Соперничество с Америкой было важным фактором, так как что оно добавляло существенное внешнее давление к той напряженности, которую система уже генерировала внутри себя. Однако это не было главной причиной.

После страшной разрухи, оставленной второй мировой войной, советское государство восстановило страну. Оно сделало это на свой манер, но удивительно быстро. Советская военная наука и промышленность вышли на передовые позиции. Советские ученые и инженеры освоили термоядерный синтез, создали мощные бомбы и ракеты, запустили в космос сначала собаку, а потом и человека. В первый раз за всю свою историю советское руководство и советский народ почувствовали, что одолевают Запад в сфере борьбы за техническое превосходство. Программ партии 1961 года обещала, что через двадцать лет советскому потребителю будет обеспечено изобилие материальных и культурных благ.

Однако к тому времени внимательные наблюдатели внутри страны и за рубежом уже видели изнанку внешнего благополучия. Одним из первых, кто предрек падение Советского Союза, был Джордж Кеннан. В статье, опубликованной в апрельском номере журнала «Политикал Афферз» за 1951 год, он с уверенностью утверждал, что советская власть в будущем изживет себя или же сам ее дух и характер руководства полностью изменятся. Как человек мудрый, он не пытался обозначить какие-то сроки.

К концу 50-х Советский Союз уже переживал глубокий внутренний кризис. Его политическая и экономическая система была грубой и жестокой, но она позволяла успешно решать задачи форсированной индустриализации, войны и послевоенного восстановления. Однако впоследствии она оказалась слишком негибкой, склеротичной, чтобы соответствовать требовани-

ям мирного времени. Грандиозные и неимоверно дорогие инвестиционные проекты годами, а иногда и десятилетиями оставались незавершенными. Товары низкого качества, которые даже пострадавшие советские потребители отказывались покупать, скапливались на складах. Социальная сфера не получала достаточного финансирования. Сельское хозяйство ковыляло от одного кризиса к другому. Росла скрытая безработица. Передовые технологии, которые разрабатывали блестящие советские ученые и технические специалисты, оставались в чертежах, потому что не было эффективного механизма для внедрения их в производство. Но самое главное состояло, что советская техника, несмотря на успехи в освоении космоса и в области обороны, все сильнее отставала от западной.

Все эти вещи были очевидны тем, кто, как и я, в 60-ые годы жил в Москве. Стоило отъехать от Москвы всего на несколько километров чтобы увидеть, как на самом деле бедно живет советский народ. Британские бизнесмены, с которыми мне в то время доводилось общаться, постоянно недоумевали по поводу очевидного разрыва между достижениями Советского Союза в освоении космоса и страшным расточительством и некомпетентностью на советских предприятиях, где они бывали. В силу ряда причин эти факты не были самоочевидными для западных советологов — ведь многие из них мало знали русскую историю, плохо знали язык и просто никогда не бывали в стране.

Конечно, и советское руководство видело слабости. К началу 60-х ему стало ясно, что экономика стагнирует. Она продолжала как-то работать лишь благодаря всепроникающей системе «блата»; появлению целой прослойки «толкачей» и посредников, которые обеспечивали связь между спросом и предложением, что было не под силу центральным плановым органам; и главное — благодаря героическим усилиям руководителей предприятий и колхозов, движимых некоей смесью верности делу, честолюбия, жестокости и вполне обоснованного страха перед последствиями в случае невыполнения плана, что при Сталине могло в буквальном смысле стоить жизни. По официальной статистике рост продолжался, хотя и при снижении темпов. Но в 1964 году молодой экономист из Новосибирска Абел Аганбегян заявил своим коллегам, что цифры официальной статистики — обман, и посоветовал им вместо этих данных пользоваться цифрами, которые дает ЦРУ.

Хрущев, который с 1953 по 1964 год был первым секретарем ЦК КПСС, был далеко не глуп. Он знал, что положение серьезно. Сначала он попробовал традиционные решения — организовывал политические кампании, выбирал козлов отпущения для наказания, вносил коррективы в административную систему. С Запада он импортировал технику и зерно. Он

жаловался на «иждивенчество» — на привычку людей ожидать указаний сверху и финансовой помощи.

Однако каждая новая «реформа» лишь создавала новые проблемы. В начале 60-х годов Хрущев дал согласие на более серьезную дискуссию. По роду моих обязанностей я должен был следить за ней, и это было безумно интересно. Мнения среди советских экономистов разделились. Одни считали, что старый механизм центрального планирования можно в каком-то виде использовать, если широко внедрить ЭВМ. Другие считали, что это в принципе невозможно: даже самому мощному компьютеру не охватить и не обработать огромный объем информации, необходимой для того, чтобы воспроизвести живую экономику во всей ее сложности. Вместо этого они стали робко предлагать решения, которые граничили с ересью. Профессор Либерман и еще несколько молодых экономистов, которые позднее, при Горбачеве, обрели известность, разработали механизмы, аналогичные действию рыночных сил, на основе модели, использующей более реальные процентные ставки и крайне осторожно сформулированное понятие «прибыли». Это была серьезная дискуссия, которую вели хорошо информированные и интеллектуально смелые специалисты. Но и они не решились предложить вернуться к частной собственности как основному средству, чтобы стимулировать рациональное поведение экономических субъектов.

В конце 1964 года, когда споры были в разгаре, посол Великобритании в Москве сообщил в министерство иностранных дел, что «несмотря на все разговоры о прибыли, [нет] ни малейшей вероятности, что советское правительство когда-нибудь разрешит отдельным гражданам накапливать частный капитал и пускать его в дело: тех немногих, кто пробует это делать, они просто расстреливают». Много лет спустя в Ростове-на-Дону я встретился с предпринимателем, который в то время сам был «теневином». Для него люди, которых расстреляли, — Ройфман, Шакерман и другие (некоторые из них совершили «преступления» еще до того, как Хрущев издал соответствующий закон) — были настоящими мучениками, погибшими за святое дело свободы предпринимательства.

И все-таки в 1965 году премьер-министр Косыгин предпринял очередную, хотя и скромную попытку реформировать экономику. Эта попытка была сведена на нет из-за сопротивления бюрократов и стремления Брежнева к спокойной жизни. Интеллектуальному оживлению хрущевской эры был положен конец, хотя его отголоски сохранялись до 80-х годов. В общественном дискурсе вновь возобладали затасканные лозунги старой идеологии. Высокие цены на нефть дали Брежневу возможность продолжать соревнование с Америкой в области вооружений, втягиваться в бессмысленные и провокационные авантюры в Африке и в Латинской Америке.

ке, и обеспечить скромное, но устраивавшее простых граждан повышение уровня жизни. Режим продлил себе жизнь.

Но снова зазвучали предостережения. В 1970 году Андрей Сахаров предупредил Брежнева, что «перекосы и застой» в экономике будут сохраняться, если ничего не предпринять в отношении «антидемократических норм общественной жизни», которые ввел Сталин и которые так и не были полностью ликвидированы¹. «С появлением все новых и революционных аспектов экономики, — писал он, — все больше становится разрыв между США и нами». Советский Союз «может постепенно скатиться на положение второразрядной провинциальной державы». В том же году диссидент Андрей Амальрик написал памфлет под названием «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». В 1974 году председатель Госплана Байбаков предупредил о крайне тревожном состоянии экономики.

Даже партийные чиновники стали терять уверенность по мере того, как до них доходили масштабы и характер кризиса. Михаил Горбачев видел, что количество и выбор товаров на прилавках уменьшается, а недовольство простых людей растет. Ельцин, тогдашний первый секретарь обкома партии, в 1981 году, выступая в Свердловске, сказал, что распределение продуктов питания по талонам будет продолжаться: по праздникам — на Первомай и на Октябрьские праздники семьям будет выделяться не более 1 кг мясных продуктов на человека.

К концу 80-х по потреблению на душу населения Советский Союз был на семьдесят седьмом месте в мире. 44 процента советских пенсионеров получали пенсию, которая была ниже официального прожиточного минимума. В 1989 году, т.е. уже при Горбачеве, министр здравоохранения Чазов открыто заявил, что в каждой четвертой советской больнице нет канализации и в каждой шестой нет водопровода; что десятки тысяч медицинских работников получают зарплату ниже уровня бедности; что СССР тратит на здравоохранение меньше, чем какая-либо другая развитая страна. Что бы сегодня в России ни говорили критики Горбачева, советская социально-экономическая система пришла в упадок задолго до того, как он принял попытку ее починить.

Одним из главных успехов советской политики, который еще в 1958 году отметили специалисты по политическому планированию в МИД Великобритании, было достижение ядерного паритета с Соединенными Штатами. К началу 80-х этот успех оказался под серьезной угрозой, поскольку при Рейгане вновь обретшая уверенность в себе Америка начала перевооружаться. Даже наиболее консервативные люди в Политбюро и в Генеральном штабе поняли, что необходимы какие-то изменения, если Советский Союз хочет сохранить реальный военный паритет с Соединен-

ными Штатами. После многих лет брежневского застоя им нужно было найти нового лидера, более молодого, более энергичного, с более широким кругозором, чем у его предшественников. Нужен был человек, способный наладить в советской системе то, что в ней сломалось. И нашли Горбачева.

Горбачева нашло не только Политбюро. Его нашла Тэтчер. Это случилось, как она утверждает в своих мемуарах, потому, что она его искала. По подсказке целого ряда ученых правоконсервативного толка она еще до того, как стала премьер-министром, много читала и размышляла о Советском Союзе. Весной 1980 года она устроила встречу со мной и с Кристофером Маллаби, который как раз вернулся из Москвы, где он возглавлял политический отдел посольства. Сначала говорила, а точнее ораторствовала в основном она, потом мы убедили ее послушать нас. Кристофер представил ей блестящий, подробный анализ того, что реально происходит с Советским Союзом. Она сказала: «Если так, то похоже, что система должна разлететься вдребезги». Мы поспешили заверить ее, что партия, КГБ и армия все еще держатся прочно и что о крахе системы говорить пока рано. Но в целом она показалась мне человеком гораздо более восприимчивым, чем я ожидал.

Познакомившись с Горбачевым, нетрудно было понять, почему г-жа Тэтчер решила, что с ним можно иметь дело. Его первые беседы с ней и Джеффри Хау в декабре 1984 года продемонстрировали поразительную разницу между ним и его предшественниками. Это был человек, который, в отличие от Брежнева, полностью владел информацией, мог говорить без помощников, причем уверенно, живо, умно. Было очевидно, что ему нравится полемизировать с госпожой Тэтчер. Даже те из нас, кто видел только сухие официальные отчеты, могли почувствовать, как это было интересно.

Горбачева избрали генеральным секретарем советской компартии три месяца спустя, в марте 1985 года. Он оказался последним, кто занимал этот пост.

В последовавшие за этим пять лет политический, военный и разведывательный истеблишмент в Лондоне и Вашингтоне исходили из убеждения, что перестройка, демократизация и гласность — это хитрая ловушка коммунистов, которые рассчитывают таким образом выиграть время, чтобы подлатать советскую экономику и подготовиться к новому броску. Те же, кто считал, что Горбачев действительно имеет в виду то, что говорит о реформах, полагали, что верхушка партии, КГБ и армии сумеет успешно противодействовать его идеям. И все как один были обеспокоены «горбоманией» на Западе, поскольку им казалось, что она подрывает готовность людей сопротивляться коммунизму. В конце 1988 года аналитики ЦРУ предсказывали, что главной угрозой для безопасности Америки в ближайшие двадцать лет будет Советский Союз.

Моментом самого большого триумфа Горбачева у себя в стране и за рубежом была первая половина 1989 года. Накануне этого года с трибуны ООН он объявил программу сокращения вооружений в одностороннем порядке, которая шла навстречу почти всем требованиям, выдвигаемым Западом на протяжении десяти лет. Запад воспринял это как еще одну ловушку, а новой администрации в Вашингтоне — президентом стал Буш-старший — потребовалось несколько месяцев, чтобы поверить в его искренность. Это был первый шаг по пути, который привел к выводу советских войск из Европы, воссоединению Германии и распаду Советского Союза, который по своей территории почти совпадал со старой царской империей. Несомненно, что рано или поздно такие судьбоносные изменения все равно произошли бы. Но благодаря Горбачеву они не сопровождались кровопролитием, как это бывало в истории других империй в эпоху их заката, в том числе и Британской Империи.

У себя в стране Горбачев провел первые настоящие выборы. В последний раз в России такие выборы были семьдесят два года назад, когда было избрано Учредительное собрание, судьба которого известна. По западным меркам это была отнюдь не идеальная избирательная система, она была выстроена с таким расчетом, чтобы дать преимущество Коммунистической партии. Но она давала избирателю реальный выбор, и в Москве, Ленинграде, Киеве и в других местах избиратели весьма умело воспользовались своим правом голоса, чтобы прогнать старую партийную администрацию и выбрать новых людей, выступавших за реформы.

Эти выборы проходили на три месяца раньше первых свободных выборов в Польше. В 50-ые годы, когда мы жили в Польше, польские друзья говорили нам, что на реформы в Польше нельзя рассчитывать, пока в Советском Союзе не произойдут кардинальные перемены. Теперь же поляки и другие страны Варшавского Договора были свободны сами решать свою судьбу.

Парадоксально, но факт: именно в этот момент высочайшего триумфа популярность Горбачева у себя в стране начала падать. Это объясняется тремя основными причинами.

Первая состояла в том, что он не смог справиться с экономикой, которая быстро пошла под уклон. Вновь вышли на авансцену либеральные экономисты 60-х годов. Они давали Горбачеву хорошие, иногда далеко идущие советы. Но не предлагалось ничего в достаточной степени радикального, что могло бы придти на смену негодной системе центрального планирования и что могло бы работать. К осени 1990 года уровень жизни снизился, безработица возросла, а магазины опустели. Поначалу «человеку с улицы» в России очень импонировала общительность Горбачева. В первые годы

перестройки его беседы с народом на улицах в Москве и в Ленинграде проходили с триумфом. Теперь люди отвернулись от него.

Во-вторых, волнения в союзных республиках в сочетании с чувством унижения от того, что пришлось уйти из Германии, и уступками Горбачева в вопросах контроля над вооружениями начали все больше выводить из себя даже тех в армии и в партии, кто сначала поддержал Горбачева. Собираясь в прокуренных комнатах, некоторые из них уже называли его предателем.

В-третьих, от него теперь начала отходить и либеральная интеллигенция Москвы и Ленинграда. Эти люди с подозрительностью относились к тому, что он продолжал действовать через Коммунистическую партию, которая реформировалась медленнее, чем ему хотелось. Они критиковали его за то, что он никак не мог решиться на болезненные шаги в экономике. Бросив его, они перешли на сторону Ельцина, который казался им более правильным «демократом».

В результате к концу 1990 года политический курс Горбачева зашел в тупик, и это открыло путь правым силам, которые в августе 1991 года совершили попытку государственного переворота. На Западе риск антигорбачевского переворота почувствовали еще в 1989 году, если не раньше. Между [британским] МИДом и мною шла регулярная переписка на эту тему. Так что в определенном смысле никто из нас не удивился, когда переворот действительно произошел. Но никто из нас, равно как, разумеется, и сам Горбачев, не мог предсказать его дату. Это удалось только ЦРУ, которое за несколько дней до начала путча сообщило Бушу, что переворот может произойти в течение недели после 19 августа, и оказалось право. Насколько я знаю, аналитики ЦРУ пришли к такому заключению, не опираясь на какую-то секретную информацию. Они просто лучше нас проанализировали общедоступную информацию, в том числе и ту, что появлялась в печати.

Но даже ЦРУ не предсказывало, что путч провалится. Напротив, оно, как и все мы, считало, что любому путчу, поддержанному партией, армией и КГБ, гарантирован на какое-то время успех, может быть даже надолго, хотя в конечном счете советской системе все равно придется вернуться на путь реформ. Однако волна политических перемен, которую вызвал к жизни Горбачев, разбила все устоявшиеся стереотипы в умах многих рядовых граждан и даже в умах тех, кто возглавил переворот. Ведь, в конце концов, не кто иной, как министр обороны, маршал Язов, принял решение вывести танки из Москвы во избежание кровопролития.

У Горбачева было все — новые идеи, энергия, хитрость, честолюбие и непреклонность, необходимые политику, чтобы взобраться по скользкому

шесту на вершину власти. У него также хватало мужества мыслить неординарно, проводить свои— идеи в жизнь вопреки яростному противодействию со стороны «старой гвардии» и менять свои решения, если того требовали обстоятельства. Конечно, он сделал много ошибок. И в отличие от многих политиков он готов сейчас некоторые из них признать.

Теперь очень многие в России и за рубежом упрекают Горбачева в том, что у него не было стратегии реформы, что он не сумел решить экономические проблемы, проявил слабость и не смог обуздать реакционеров, не смог эффективно отреагировать на движение за независимость союзных республик, не предвидел того, что его политика приведет к развалу Советского Союза, а его самого отстранят от власти. Его упрекают и в том, что он вовремя не отказался от веры в коммунизм.

Конечно, задним числом критиковать легко. При этом многие критики не учитывают заведомую трудность, с которой сталкиваются все политики, поскольку им приходится действовать, не имея ясного представления о том, чем обернутся их действия. Не учитывается и то, что Советский Союз был весьма неподатливым объектом реформирования, что у государственного аппарата еще было достаточно сил, чтобы поставить на место неосторожного реформатора. Горбачев всегда опасался, что однажды он проснется и обнаружит, что разделил судьбу Хрущева — неожиданно «заболел» и его друзья ради его же блага отстранили его от власти. Горбачева обвиняли в том, что он действовал слишком робко. Но его опасения не были надуманными. 18 августа 1991 года сторонники крутых мер взяли его под стражу, сообщив миру о его болезни, из-за которой он не может выполнять свои обязанности. Это почти точное повторение того, что сделали с Хрущевым в октябре 1964 года. Вот только исход на этот раз оказался иным.

Сам Горбачев считал, что у него есть стратегия реформ. Он считал, что Советский Союз может выйти из глубокого кризиса только в том случае, если откажется от имперской внешней политики, сократит военные расходы, разбудит творческий потенциал простых людей благодаря политике открытости и демократизации общества, и осуществит какую-то экономическую реформу.

При этом у Горбачева не было подробного расписания мероприятий, необходимых для осуществления такой стратегии. Он считал, что такого расписания просто не может быть, и что в свете складывающейся внутренней и международной ситуации он должен действовать постепенно там, где это возможно. Это была разумная позиция. Именно так и поступали на практике почти все великие реформаторы.

Его самой большой неудачей было то, что он не смог совладать с экономикой. Именно тут его политические инстинкты, которые так хорошо слу-

жили ему в решении международных проблем и во внутривнутриполитических вопросах, изменили ему. Он не очень представлял себе, как работает современная экономика. Он боялся, что кардинальная реформа вызовет массовые волнения. Он колебался между предложенными ему вариантами, и в конце концов не поддержал ни один из них. Его преемник Ельцин, который разбирался в экономике хуже, чем Горбачев, просто взял быка за рога и пошел напролом. Реформы Ельцина были непоследовательными. Они создали огромные трудности для простых людей. Они привели к скандальному обогащению меньшинства, способствовали коррупции. Но эти реформы сдвинули с места процесс, который необходим для того, чтобы Россия со временем стала современным государством.

Когда Горбачев потерял поддержку либералов и демократов, переметнувшихся на сторону Ельцина, ему стало гораздо труднее противостоять силам реакции. К концу 1990 года стало казаться, что ему не на кого опереться. Партия, военные и КГБ начали интриговать против него. Поэтому ему пришлось и маневрировать, и недоговаривать правду, и уговаривать, и задирать, и не в меру ораторствовать. Он пришел к предельно возможному компромиссу с теми, в чьем распоряжении было оружие и подслушивающие устройства. Лишь в последний момент ему удалось избежать кооптации в их лагерь. Если бы он это допустил, то сегодня его место в истории было бы совершенно иным. Я считаю, что все беды 1990 и 1991 годов произошли в не меньшей мере из-за непоследовательности и политической слепоты либералов и интеллигенции, чем из-за колебаний и просчетов Горбачева.

То, что Горбачев не сумел предвидеть подъем национальных настроений в союзных республиках и не отреагировал на них должным образом, составляет одно из главных обвинений в его адрес в глазах тех, кто сожалеет о распаде Советского Союза и возлагает ответственность за это на Горбачева. Эти люди не остановились бы ни перед чем — даже перед кровопролитием, чтобы сохранить Союз. В начале 1991 года именно они стояли за стрельбой в Вильнюсе и в других городах. Для большинства же из нас независимость прибалтов, украинцев и других народов является благим делом. Критикуя национальную политику Горбачева, сожалеем ли мы, что его попытки удержать эти народы в составе Союза посредством мирных переговоров не увенчались успехом? Или хотим сказать, что ему с самого начала следовало поощрять их к выходу из Союза, несмотря на большой риск спровоцировать ответную реакцию со стороны правых сил? Или мы просто демонстрируем крайний образчик «ретроспективной мудрости»?

Вряд ли разумно корить Горбачева за то, что он не предвидел, что его политический курс приведет к распаду Советского Союза. Такого исхода

событий до последнего момента, в сущности, не мог предвидеть никто — ни на Востоке, ни на Западе.

Горбачев сохранил веру в то, что, по его мнению, составляет основные принципы «социализма». Задолго до его отстранения эти принципы эволюционировали в сознании Горбачева в нечто гораздо более близкое к западной социал-демократии, чем к грубому и беспросветному облику советского коммунизма. В этом он отличается от тех членов КПСС, кто всю жизнь повторял «святые» плоские истины [коммунизма], а потом ничтоже сумняшеся бежал с корабля. На мой взгляд, стремление Горбачева сохранить верность своему прошлому и хоть какую-то интеллектуальную последовательность делает ему честь. Может быть, дело в том, что я, в отличие от г-жи Тэтчер, полагаю, что социал-демократия является вполне уважаемой частью европейской политической традиции.

Величайшая заслуга Горбачева состоит в том, что он облегчил России переход на путь глубокого исторического преобразования. Он порвал с дискредитировавшей себя советской системой и сделал первые шаги к превращению страны в более демократичный и более эффективный организм. Он сделал решающие шаги к прекращению холодной войны. Если бы в Советском Союзе у кормила власти оказался другой человек, возможно, он попытался бы противодействовать поступи истории. Это сделало бы решение задачи гораздо более тяжелым, более кровопролитным и более опасным для всех нас.

После того, как Горбачев выполнил свою историческую задачу, уже его преемникам предстояло выводить Россию на следующий этап развития. Трудно сказать, получилось ли у них лучше, чем у Горбачева. Путь России к истинной политической и экономической стабильности, к системе, которая впервые в истории должна отвечать интересам простых людей, а не богачей и людей власти, наверняка будет долгим. Должны не просто пройти десятилетия. Должны смениться поколения. На этом пути наверняка будут неудачи, но будет и успех. Это самое определенное предсказание, на которое могут отважиться те, кто считает, что будущее в принципе невозможно предсказать.

Ничто из сказанного выше не умаляет того факта, что люди в родной стране Горбачева многим ему обязаны. И вряд ли приходится удивляться, что они не торопятся признать это. Терять империю больно, но ядерная война была бы еще больней. Будущее, может быть, неопределенно, но Горбачев дал россиянам шанс, которым, в конечном счете, только они смогут воспользоваться. Место в истории ему обеспечено. Даже его соотечественники и даже те на Западе, кто выдает последующее знание за дар безошибочного предвидения, в конце концов поймут это.